

Сэмюэл Бернстайн

Огюст Бланки и I Интернационал

Перевод Е. С. Лагутина

Французский ежегодник 1963

М.: Наука. 1964. С.120-133

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

В левых кругах Франции существует ярко выраженная тенденция либо отождествлять Бланки с Марксом, либо находить в их идейных системах такие сходные черты, которые могли бы уменьшить разрыв между ними¹. Такой метод исторического исследования не может быть оправдан, так как при этом извращаются факты и в конечном итоге получается искаженный образ Бланки, которого изображают своего рода «марксистом до Маркса». Эту систему исследования трудно чем-либо объяснить, разве что романтическим национализмом, в основе которого лежит миф XIX столетия о том, что Франция была первой среди цивилизованных наций, маяком просвещения и источником всех плодотворных идей, включая марксистские. Но любой объективный исследователь истории идей может доказать абсурдность такого месспанского национализма.

Некоторые составные части теории Бланки были разочаровывающе расплывчаты и незрелы. Здесь уместно напомнить, что его выводы в области экономической теории больше соответствовали мелкому ремесленному производству, чем современному капитализму. Его социализм носит эклектический характер; пролетариат, по его определению, является неопределенным конгломератом, в котором отдельные слои совершенно не поддаются объединению вследствие своей полной социальной разнородности. Хотя революция 1848 г. вновь укрепила его веру в рабочих и поколебала его доверие к заговорщической тактике, он все же не отказался от окольных путей. Нельзя сказать, что отсутствовали благоприятные условия для пересмотра его тактики. Существовал, например, I Интернационал, через который он мог бы оказывать влияние на пробуждающееся рабочее движение. Он внушал своим ученикам необходимость создания базы среди рабочих. Однако опыт показал, что между его программой и нуждами рабочих было очень мало общего. В то время как все большее число рабочих вступало в Интернационал, он продолжал оставаться в стороне от столбовой дороги и критиковал недостатки Интернационала, вместо того чтобы вступить в него и исправить их.

Но Бланки обладал острым политическим умом. Никто, кроме него, во Франции в течение 1848 г. и позднее, за исключением, может быть, Токвилля, не открыл таких новых граней в политике и не выработал столь

* Глава из неопубликованной работы о Бланки.

¹ Мы не разделяем точки зрения, изложенной М. Домманже в его работах: M. Dommanget. Blanqui et l'opposition révolutionnaire à la fin du Second Empire: i d e m. Les idées politiques et sociales d'Auguste Blanqui, особенно в гл. VII.

нового подхода к ней. Разумеется, и он рассматривал явления в основном с точки зрения национальных перспектив, но он видел их en bloc, видел их неразрывную связь с единым обширным обществом, главная цель которого (производство и потребление) была направлена ко всеобщему благосостоянию. Для достижения этой цели он выбрал наименее проторенный путь. «И в этом все дело», — как сказал бы Роберт Форст. Так Бланки стал олицетворением революционного духа во Франции XIX в. Именно эти качества дали основания Марксу говорить о нем в столь лестных выражениях.

БЛАНКИ И МАРКС

Можно утверждать с полной определенностью, что эти два человека никогда не встречались. Сразу же после своего окончательного освобождения в 1879 г. Бланки получил от Лафарга приглашение отдохнуть несколько недель в Лондоне. Лафарг писал: «Маркс, который с таким большим интересом следил за вашей деятельностью, был бы очень счастлив познакомиться с вами»². Между 12 июня 1879 г., датой письма Лафарга, и 1 января 1881 г., датой смерти Бланки, он только однажды покидал Францию для поездки в Италию. Нет никаких сведений о том, что он ездил в Англию.

Хотя лично они никогда не встречались, оба были высокого мнения друг о друге. После того как Маркс поселился в Лондоне, он, вновь анализируя революционные события 1848 г., писал, противопоставляя Бланки утопическим доктринерским социалистам: «...*Пролетариат* все более объединяется вокруг *революционного социализма*, вокруг *коммунизма*, который сама буржуазия окрестила именем *Бланки*»³.

Мы не хотим этим сказать, что он поощрял заговор как метод революции. Ибо заговорщики, писал Маркс в 1850 г., делают революцию экспромтом, без наличия необходимых для нее условий. По его выражению, они являются «алхимиками революции и целиком разделяют превратность представлений, ограниченность навязчивых идей прежних алхимиков»⁴. Однако Маркс признавал, что при наличии особых условий, таких, как царизм и бонапартизм, подпольная деятельность является единственным возможным методом. С этой точки зрения, Бланки следовал тому единственно возможному революционному курсу, который в преддверии революции не исключал сближения с другими движениями в борьбе за свержение существующего строя. Маркс и Энгельс в ожидании нового подъема революционной волны в 1849—1850 гг. даже связали «Союз коммунистов» с чартистами и бланкистами, и все вместе они образовали «Всемирное общество коммунистов-революционеров», стремившееся к свержению всех привилегированных классов, к установлению диктатуры пролетариата и к непрерывной революции до осуществления коммунизма⁵. «Всемирное общество» явилось лишь переходящим этапом в деятельности Маркса и Энгельса. Когда статистические данные показали, что экономическая система оправилась от общего кризиса 1847 г., они порвали раз и навсегда с этими иллюзиями, как выразился Энгельс⁶. Общество разделило участь всех несбывшихся надежд. В октябре 1850 г. Маркс и Энгельс заявили

² Bibliothèque Nationale (Paris) (далее: BN), MMS. Blanqui, 9588², f. 679.

³ К. Маркс. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 91.

⁴ «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», 1850, N 4. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 288.

⁵ Устав общества был опубликован Д. Рязановым в журнале «Под знаменем марксизма» в марте 1928 г. Он появился на французском языке в «La Revue marxiste», 1929, N 1, p. 404—405.

⁶ Ф. Энгельс. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 531.

бланкистам — участникам соглашения, что, с их точки зрения, соглашение давно потеряло силу⁷.

В бумагах Бланки нет никакого упоминания об уставе Общества. Однако мало вероятно, чтобы его сторонники в Лондоне скрыли это от него. Сохранились два письма, оба написаны в июле 1850 г., в которых Бартелими и Видиль сообщают Бланки о своем сотрудничестве с «Союзом коммунистов»⁸. Нет сомнения, что раскол Союза в сентябре содействовал ликвидации «Всемирного общества». После этого бланкисты вошли в Лондоне в недолговечный блок с другими эмигрантскими фракциями.

Бланки продолжал привлекать внимание Маркса. Как известно, Маркс и Энгельс перевели на английский и немецкий языки спорное «Предостережение народу»⁹. Немецкий перевод распространялся в Рейнской области, куда уже проникли идеи Бланки¹⁰. Возможно, что известие об этом издании дошло до тюрьмы Бель-Иль, хотя в рукописях Бланки нет никаких упоминаний об этом.

Когда в 1861 г. Бланки был вновь заключен в тюрьму, Маркс встал на его защиту, за что заключенный был ему глубоко признателен¹¹. Занятый усиленными хлопотами за Бланки, Маркс писал доктору Ватто: «Будьте уверены, что я больше, чем кто-либо, интересуюсь судьбой человека, которого всегда считал головой и сердцем пролетарской партии во Франции»¹².

В доме Маркса Бланки, по-видимому, вызывал к себе самые восторженные чувства, если судить по тому, что семилетняя Элеонора Маркс писала кузине в Голландию в декабре 1863 г. Она спрашивала: «Нравится ли тебе О. Б.?» — и сама же поспешила ответить: «Он очень большой мой друг»¹³.

Со своей стороны, заключенный, судя по всему, высоко ценил Маркса. Мы можем сослаться на авторские экземпляры «Les Hébertistes» Тридона и ответ Ватто Луи Блану, посланные Марксу по просьбе Бланки. Заслуживает упоминания тот факт, что в карманной записной книжке, где Бланки записывал имена и адреса видных деятелей международного социалистического движения, мы находим псевдоним Маркса — Вильямс — и его адрес. У нас нет, правда, данных, которые доказывали бы, что Бланки читал «Коммунистический манифест» или «Капитал», хотя он, возможно, видел отрывок из предисловия к нему, напечатанный в «Le Courrier français»¹⁴. Но в его списках книг и брошюр имеется французское название «Нищеты философии», которую он, очевидно, высоко ценил. Лафарг писал Марксу из Парижа в марте 1869 г. по поводу этой книги: «У Бланки есть один экземпляр и он дает его читать всем своим друзьям. Тридон также читал книгу и радовался тому, как Мавр расправился с Прудоном. Бланки питает к вам величайшее уважение... Он придумал для Прудона самую прелестную кличку, которая только мне известна: он зовет его гигрометром»¹⁵.

Весьма вероятно, что одним из факторов, способствовавших высокой оценке книги Маркса со стороны Бланки и Тридона, могло быть их ожесточение против прудонистов в тот период, когда они ее читали. Все же, воз-

⁷ Карл Маркс. Даты жизни и деятельности. 1818—1883. М., 1934, стр. 93. См. также: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 439, 608, 628.

⁸ BN, MSS. Blanqui, 9581, f. 206—211, 214—219.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 569—570.

¹⁰ См., например: Hans Stein. Der Kölner Arbeiterverein, 1848—1849. Köln, 1921, S. 59.

¹¹ Маркс — Энгельсу, 19 июня 1861 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 30, стр. 141.

¹² Маркс — Ватто, 10 ноября 1861 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 30, стр. 507.

¹³ «International Review of Social History», 1956, N 1, p. 95.

¹⁴ «Le Courrier français», 1 octobre 1867.

¹⁵ Маркс — Энгельсу, 1 марта 1869 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 32, стр. 211.

можно, не только приверженность к своему направлению определила их мнение. По некоторым ключевым вопросам Бланки и Прудон сходились во взглядах: им обоим определенно не нравились неоякобинцы; они считали источником эксплуатации рабочих проценты на капитал и вследствие этого видели в деньгах и ростовщичестве основную причину всех социальных зол; они оба верили во взаимопомощь как средство от болезней общества. До того, как ясно обозначилась линия водораздела между течениями, Бланки сравнивал прудонизм и коммунизм с флейтой и барабаном, которые, хотя и не похожи друг на друга, очень хорошо гармонируют между собой¹⁶. Только его понимание «взаимных услуг», или мютюэлизма, было не таким, как у Прудона. Для Бланки он был заменой капитализму, для Прудона — ответом одновременно и социализму и капитализму, средним путем, другими словами, революцией, как он ее понимал, т. е. восстановлением доиндустриального строя мелких собственников и мелких производителей. Социализм, по его собственным словам, должен был привести к «укреплению скромных состояний и всеобщему распространению средних классов»¹⁷. Лучшего определения мелкобуржуазной утопии никто не давал. Правда, и у Бланки концепция социализма была неясной, но она была диаметрально противоположна концепции Прудона, ибо бесспорно порывала со священными понятиями частной собственности и с политическими учреждениями, которые охраняли ее. Вследствие этого, читая критику Маркса по адресу Прудона, Бланки, возможно, впервые увидел, как принципы классических экономистов, на которые опирался Прудон, могли быть обращены против них самих. Особенно привлекательным и ценным был, вероятно, для Бланки тезис Маркса о том, что социальное движение неотделимо от политического. Это, в действительности, был главный аргумент бланкистов, выдвинутый ими против утверждений прудонистов о том, что находящаяся вне политики и государства деятельность, как, например, кооперация, в состоянии сама по себе решить проблему нищеты.

БЛАНКИСТЫ И ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Таким образом, мы вернулись к главному вопросу, разделявшему прудонистов, примкнувших к Интернационалу, и бланкистов. Маркс действовал через Лафарга, с целью, по-видимому, добиться поддержки со стороны лидера бланкистов и, вероятно, их вступления в Интернационал. Почти все они были молоды, чрезвычайно деятельны и дисциплинированы. Люди такого склада могли принести огромную пользу Товариществу. Однако на Женевском конгрессе прудонистам удалось вытеснить бланкистов из Интернационала.

Маркс предпринял новую попытку в 1867 г., перед открытием II конгресса Интернационала. Снова Лафарг был посредником, но на этот раз он связался с Тридоном через Анри Толена, который приезжал в Лондон, чтобы добиться помощи Генерального совета бастовавшим в Париже рабочим-бронзовщикам¹⁸ (Толен был одним из руководителей Интернационала в столице). Письмо Лафарга не найдено. Но мы можем судить об общей идее и цели письма по тому, что Тридон писал Бланки: «Лаф[арг], — извещал Тридон своего учителя, — предложил мне переписываться с ним и прислал мне свой домашний адрес»¹⁹. Большой и раздражительный Тридон никак не мог сам принять решение и оставил письмо без ответа.

В самой организации бланкистов возникли разногласия по вопросу о кооперации. Даже самые суровые критики кооперации не могли просто

¹⁶ A. Blanqui. Critique sociale, v. II. Paris, 1885, p. 316.

¹⁷ P. I. Proudhon. Les confessions d'un révolutionnaire, p. 354—355.

¹⁸ BN, MSS. Протоколы, 12 марта 1867 г.

¹⁹ BN, MSS. Blanqui, 9592², f. 166.

игнорировать тот факт, что тысячи французских рабочих считали ее формулой спасения. В бланкистских кругах было выдвинуто предложение вместо того чтобы нападать на это убеждение рабочих, воспользоваться им для достижения целей партии. Но Бланки не согласился с этим. По его мнению, этот маневр был бы попыткой «взять очень опасного быка за рога», не говоря уже о том, что это означало бы предательство в отношении политической и революционной борьбы, даже не прикрытое оговоркой о стремлении к социализму²⁰. Тридон не только буквально поддержал мнение своего учителя; он воспринял его как указание резко обрушиться на «Толена и К^о», т. е. на всех сторонников кооперации, включая и таких дальновидных руководителей рабочих, как Эжен Варлен и Луи Камеллина. Было выдвинуто предложение собрать подписи под манифестом, направленным против кооперации, который следовало представить второму конгрессу Интернационала²¹. Бланки даже набросал черновик манифеста, в котором суммировал доводы против кооперации. Почти все они уже излагались им раньше. Новым был аргумент, гласивший, что кооперация является всего лишь буржуазной бухгалтерией, которой придана социалистическая внешность. По словам Бланки, она была «помесью Прудона с Мальтусом, или, точнее, ее мальтузианская сущность была прикрыта прудонистскими лохмотьями». Социализм Прудона «гораздо менее страшен», особенно в том виде, как он излагается учениками Прудона. Кооперация является просто другим видом «дебета и кредита», своего рода спекуляцией, которая коренится в беззаконии и служит врагам революции²².

Задуманный манифест против кооперации так и не был представлен II конгрессу Интернационала. Конгресс, состоявшийся в Лозанне в течение первой недели сентября 1867 г., вновь подтвердил прудонистские принципы, хотя их сторонникам пришлось сделать некоторые уступки растущей оппозиции. В следующем году на конгрессе в Брюсселе они потерпели поражение при голосовании, и в качестве цели Товарищества вместо кооперации был провозглашен коллективизм.

Вся критика Бланки по адресу Интернационала основана на поразительно неправильном представлении о тех целях, которые лежали в основе деятельности Международного товарищества рабочих. Интернационал явился первой в истории организацией, которая сплотила массы рабочих независимо от национальных границ с целью защиты их интересов как единственно подлинных производителей богатства, провозглашения прав угнетенных народов и борьбы против стремления деспотов к развязыванию войн. Явной аномалией было такое положение, что как раз тогда, когда Бланки так недооценивал значение Интернационала, он вызывал все большее беспокойство у европейских правительств. В высших кругах Франции на него смотрели с тревогой уже в 1866 г. Три года спустя, после IV конгресса, те же официальные круги видели в нем «величайший позор будущего». Предусмотрительные наблюдатели, писал один прокурор, спрашивают, когда же правители Европы поймут необходимость объединить свои силы в борьбе против своих общих врагов²³.

Высказывания Бланки об Интернационале становились все более придиричвыми. Возможно, элементы горечи извращали его суждения. Но по существу его последующие оценки не внесли ничего нового в его прежние критические замечания. В том, что Толсен писал статьи о рабочем движении в «*Le Courrier français*», он мог усматривать лишь примитивное честолюбие. Когда пятнадцать членов первого исполкома парижской секции Интернационала были преданы суду, оштрафованы и получили приказ

²⁰ BN, MSS. Blanqui, 9592², f. 355.

²¹ *Ibid.*, f. 218—219.

²² BN, MSS. Blanqui, 9590¹, f. 429, 433.

²³ Archives nationales, BB¹⁸, 1735, dossier 5152; BB³⁰ 179, Cour de Lyon, rapport trimestriel, 27 août 1866; BB³⁰, 389, Cour de Nancy, rapport trimestriel, 18 octobre 1869.

распустить ее на основании закона о запрещении ассоциаций, Бланки лишь заметил, что они искупают свои прежние грехи. Это было равносильно тому, чтобы сказать: «Они это заслужили». Разве они не заявляли, что «рабочие могут добиться своего освобождения без помощи правительства, вне правительства и при каком бы то ни было правительстве»²⁴?

Только после конгресса в Брюсселе в 1868 г., на котором коллективисты одержали победу над прудонистами, Бланки стал склоняться к смягчению своей суровой критики этой организации²⁵. Вообще же он придавал Интернационалу мало значения, если судить по его ответу, данному 14 сентября 1868 г. Пьеру Дени, незначительному поэту и бывшему сотруднику «Les Ecoles de France» и «La Rive gauche». Дени в письме от 5 сентября высказал мнение, что Интернационал способен обеспечить создание прекрасного будущего, допуская, однако, что он еще не пошел дальше утверждения общих принципов. Автор письма явно считал Интернационал средством возрождения общества. С его точки зрения, у Интернационала были огромные перспективы. Он высоко оценивал его творческие возможности в создании нового социального строя с его собственными законами, судами, парламентом, денежной системой, фактически всем, что необходимо для здорового, гармонически развитого общества²⁶. Бланки вместо того, чтобы вернуть Дени с луны на землю и объяснить ему исторически обусловленные пределы деятельности Товарищества, чрезвычайно низко оценил Интернационал как силу европейского рабочего движения. Его суровый отзыв о кооперации не заслуживает того, чтобы его повторяли, настолько он лишен интереса. Однако в его замечаниях об Интернационале были новые положения, которые только подтверждали его прежние упреки.

Рассмотрим прежде всего обстановку, когда было написано письмо Бланки. Оно было написано всего лишь за день до закрытия Брюссельского конгресса. В течение месяцев, предшествовавших его открытию, Интернационал благодаря большому размаху забастовочного движения в Европе завоевал совершенно неожиданно выдающееся положение. В ответ на обращения Генерального совета многие отделения присылали денежную помощь. Призыв Генсовета помочь семьям убитых и раненых забастовщиков в Бельгии вызвал щедрый отклик со стороны рабочих всех стран, особенно английских. В Париже девять членов второго исполкома восстановленного бюро Интернационала были отданы под суд, оштрафованы и посажены в тюрьму. Суд снова предписал распустить эту организацию. Результаты были прямо противоположны тому, на что надеялись гонители: рабочие тысячами вступали в Интернационал. Заслуживают внимания также следующие факты: во-первых, прудонисты обнаружили явное неумение приспособить свою программу к боевому настроению и размаху движения французского рабочего класса и, во-вторых, рост рядов Интернационала совпал с превращением новой подпольной организации Бланки в боевую силу. Однако в 1868 г. сближение между этими двумя организациями было почти невозможно.

После этих предварительных замечаний вернемся к ответу Бланки. Он признавал, что Интернационал значительно продвинулся вперед со времени своего последнего конгресса²⁷ и даже переменял свой политический и экономический курс. Поскольку это было общеизвестной истиной, он вряд ли мог ее замолчать. Не мог он игнорировать и решения III конгресса Интернационала, который как раз заканчивал свою работу в этом же самом городе, где он жил как эмигрант. Бланки утверждал, что он в

²⁴ BN, MMS. Blanqui, 9590¹, f. 245, 247.

²⁵ A. Blanqui. Critique sociale, t. II, p. 137.

²⁶ BN, MSS. Blanqui, 9593, f. 287.

²⁷ В Лозанне в 1867 г.

восторге от этого изменения направления, но дальше этого он не пошел. В отличие от Дени, он не был увверен в будущем Интернационала. Каковы были причины его неуверенности? Прежде всего, он полагал, что Интернационал стал жертвой невероятных иллюзий, тщеславия, соперничества и честолюбия. Во-вторых, деятельность Интернационала представлялась ему незначительным фактором в развитии событий, просто отражавшим эволюцию общественного мнения, которая пошла ему на пользу, как и всем остальным. Другими словами, Бланки не признавал за ним больших достижений: они явились только результатом общего движения вперед. В-третьих, как утверждал Бланки, Интернационал не имел силы для распространения своей программы по вопросам философии, политики и социализма. Его тянут на буксире, как баржу, и «так будет продолжаться, я убежден в этом», — писал Бланки. У него было твердое убеждение, что Интернационал, невзирая на шумиху в печати и преувеличения врагов и друзей, не имеет влияния в массах, даже в Париже, где он сосредоточил свои усилия. «Он не добился никаких успехов, он не проник в народ»²⁸.

Насколько нам известно, это было последнее и самое суровое суждение Бланки об Интернационале. Оно явно не соответствовало фактам. Его самой слабой стороной являлось пренебрежение историей Товарищества с момента его создания. Товарищество возникло, в частности, в ответ на действия предпринимателей, которые ввозили дешевую рабочую силу, чтобы снизить заработную плату, разгромить забастовщиков и подорвать профсоюзы. Факты показывают, что в этих вопросах Интернационал достиг определенных успехов: он вдохновлял рабочих, вселял в них чувство солидарности и мужество для борьбы с деспотизмом в Европе. Одних этих достижений достаточно, чтобы убедиться в неправильности оценки, данной Бланки. Интернационал был создан также для того, чтобы выступить против замыслов бряцавших оружием монархов. Если он и не предотвратил войн, то по крайней мере формировал общественное мнение и вселял в рабочих уверенность, что их солидарность может предотвратить военные действия. Он возбуждал страх у дипломатов, сделавших его мишенью для преследований, и у церковников, которые поносили его как творение антихриста, штурмующего божественные выси. Не случайно он подвергался нападкам со всех сторон, ибо он в то время представлял собой самое крупное объединение сил, выступавших против капиталистического порядка.

Возникает вопрос, почему Бланки, человек, обладавший светлым умом и большим опытом, так неправильно оценил значение Интернационала? Нам представляется, что причины этого были двойного рода. Начать с того, что Бланки не мог принять широкую, массовую организацию. Это переворачивало всю его устаревшую концепцию о роли масс, делало абсурдной его стратегию восстания. Интернационал выдвигал на первый план рабочий класс, который Бланки никогда не считал главным двигателем истории. Он предпочитал организацию такого типа, которая была бы легко управляемым политическим орудием, ограниченную по размерам, тесно сплоченную, иерархическую по структуре, дисциплинированную, послушную и готовую двинуться в бой по его команде. Во-вторых, нельзя найти никаких точек соприкосновения между его подходом к социальной проблеме и подходом рабочих. Хотя он желал уменьшить разрыв между рабочими и своей организацией, но, как свидетельствуют об этом его записи, он не сумел понять внутреннюю сущность рабочего движения. Короче говоря, его оценка Интернационала являлась результатом поверхностного наблюдения и неправильного понимания роли рабочих в истории. В своем ответе Дени он подчеркивал то, что он считал слабостью программы Товарищества. Он утверждал, что социализм неотделим от политики, и многие социалисты в Интернационале, без сомнения, разделяли эту точку зрения.

²⁸ BN, MSS. Blanqui, 9591², f. 362—363.

Держаться в стороне от государства, действовать без него, имея целью преобразование общества, было, по его мнению, чудовищным шутством. Очевидно, он имел в виду прудонистов — противников участия в политической борьбе, которые, как он сам наблюдал в Брюсселе, теряли поддержку французской и других национальных групп Интернационала. Он приветствовал эту тенденцию, но он ждал, когда она станет господствующей. Он считал, что только тогда можно будет «делать разумные дела». А «разумное» в его политическом словаре означало захват власти. Интернационал казался ему очень плохим орудием для достижения этой цели.

В течение короткого времени бланкисты возлагали надежды на Альянс социалистической демократии, основанный в сентябре 1868 г. русским анархистом Михаилом Бакуниным. Что влекло бланкистов к Альянсу? Прежде всего, они рассчитывали, что он превратится в тайный генеральный штаб международного рабочего движения. Во-вторых, — и это было важным моментом, привлекавшим бланкистов, — он открыто проповедовал атеизм. Наконец, хотя Альянс был привержен принципу федерализма, он, по настоянию Жаклара, который принимал участие в создании Альянса, очевидно, с согласия своего руководителя, уклонялся от высказываний по этому вопросу. Единственным пунктом, который мог вызвать сомнение у Бланки, было решение, что отделения Альянса должны стать секциями Интернационала; но это сомнение ослаблялось тем, что секции должны были сохранять свое независимое существование²⁹. Однако флирт между бланкистами и бакунистами был очень непродолжительным. Альянс, по крайней мере официально, был распущен в июне 1869 г., и уже к тому времени Жаклар порвал с ним. Силой обстоятельств бланкисты вынуждены были вступить в Интернационал.

Чем больше мы размышляем над оценкой, данной Бланки Интернационалу, тем сильнее убеждаемся, что мотивом, лежавшим в основе его политики по отношению к Интернационалу, было недоверие к преобладавшим во французских секциях прудонистам. С этой точки зрения, его партия представлялась ему своего рода альтернативой Международному товариществу рабочих. После 1868 г. французское рабочее движение и бланкизм развивались в разных направлениях. Первое, под руководством деятелей Интернационала, таких, как Эжен Варлен и Эмиль Обри, двигалось вперед, к созданию национальной федерации профсоюзов, что было целью конгресса, который должен был открыться в начале 1870 г. Второе осталось практически чуждо объединительной тенденции французского рабочего класса. Вместо этого бланкисты должны были следовать «Инструкции» для захвата власти, написанной их руководителем.

НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ ИМПЕРИИ

Заметное изменение политического климата во время последних двух лет существования империи наполняло всех предчувствием, что недалек уже ее последний день. Парижский корреспондент одного немецкого социалистического органа сообщал в конце 1869 г., что основной вопрос состоит в том, кто явится преемником империи — конституционная монархия или социал-демократическая республика. Находясь под впечатлением мощной пропаганды радикалов, он высказал предположение, что вторая система правления имеет больше шансов на победу³⁰. Но он не учитывал того обстоятельства, что республиканцы были разобщены и делились на разные фракции, каждая из которых имела свое представление о социальной республике и о том, какими путями ее добиться.

Бланкисты сознавали, что империя находится при последнем издыхании, и это вызвало оживление их деятельности. Они усилили вербовку, ак-

²⁹ BN, MSS. Blanqui, 9594, f. 442 (письмо Жаклара Бланки).

³⁰ «Volksstaat», 1. Januar 1870.

тивизировали пропаганду своих взглядов, собирались еженедельно для смотра сил и изучали предпосылки восстания. С их точки зрения, уже были налицо некоторые предварительные условия для него, такие, как экономическая депрессия, безработица, дороговизна хлеба и значительно возросшее неуважение к императорской власти³¹. Бланки чаще оставался в столице, встречался со своими помощниками, знакомился с кадрами и производил смотр силам. Прежде всего нужно было определить момент для выступления. Опыт научил его остерегаться нетерпеливых призывов рядовых членов партии померяться силами со стражами существующего порядка³². В первые месяцы 1869 г. руководство партии взвешивало возможность переворота, но не смогла принять решения относительно того, что должно явиться первым объектом нападения. Должна ли это быть какая-нибудь казарма в столице или же близлежащий форт в Венсенне? Более серьезными были разногласия по вопросам стратегии. Жаклер, например, возражал против внезапного выступления по той причине, что оно изолировало бы атакующую партию: необходимо стремиться к тому, чтобы привлечь как можно больше сочувствующих. Внезапное выступление было чрезвычайно рискованным, поскольку общее состояние умов не было заранее к нему подготовлено. Этот довод базировался на таких доказательствах, которые были Бланки слишком хорошо известны. К удивлению Жаклера, он отложил выступление³³.

В течение 1868 и 1869 гг. Бланки обобщил свои мысли о технике ведения уличных боев. В результате появилась «Инструкция к вооруженному восстанию»³⁴, суммирующая его опыт в искусстве восстания. В ней Бланки остается верным основам своей политики, со всей присущей ему изобретательностью и стремлением приспособиться к обстоятельствам. Во всем тексте заметно влияние уроков 1839 и 1848 г. Конечно, революционная организация, которая собиралась осуществить нападение на императорский строй, была нелегальной, как и в 1839 г., и хотя большей по численности, чем «Общество времен года», но все же сравнительно узкой. Так как, по его убеждению, предварительные условия уже созрели для массового восстания, Бланки предписывал своим командирам распределять добровольцев в соответствии с их военным опытом, создавать кадры и формировать новые боевые единицы. В момент восстания все линии коммуникаций между столицей и департаментами должны быть перерезаны. Задача командования состоит в том, чтобы укрепить ударную силу инсургентов и немедленно лишить противника возможности нанести ответный удар. Те, кто присоединится к движению, будут получать по 5 фр. в день из общественного казначейства. Торговцы и промышленники получают векселя в уплату за реквизиции.

Значительная часть «Инструкции» была посвящена баррикадам. Нет необходимости рассматривать подробные директивы Бланки, — стоит лишь отметить, что он предостерегал от повторения старых ошибок. Если баррикады не будут строиться по определенной системе, они не выполнят своей тройной задачи: препятствовать движению правительственных войск, вынудить их перейти к обороне и быть надежным заслоном против огня артиллерии. Правда, улицы Парижа начали мостить щебнем, но большая часть их была по-прежнему выложена старым стандартным мостовым камнем, который Бланки считал главным элементом для устройства завалов на дорогах. Поэтому можно было путем простого подсчета

³¹ BN, MSS. Blanqui, 9594, f. 410, 463, 473.

³² Ibid., f. 565, 573, 577, 604.

³³ G. Geoffroy. L'enfermé, p. 273—274.

³⁴ BN, MSS. Blanqui, 9592¹, f. 54—74. Работа была опубликована в «Le Militant rouge», декабрь 1926 г.—декабрь 1928 г. («Инструкция к вооруженному восстанию» была впервые опубликована на русском языке С. Красным, очень плодотворно занимавшимся Бланки, в журнале «Историк-марксист», т. III, 1927, стр. 14—39.—*Ред.*).

заранее установить число камней, необходимое для возведения одной стены, если ее размеры заранее определены. Естественно, баррикады следовало правильно расположить и связать между собой так, чтобы они образовали единую систему обороны. Кроме этих правил, утверждал Бланки, вспоминая, без сомнения, неразбериху и раздоры 1839 г., важнейшими условиями победы являются «организованность, единство, порядок и дисциплина. Сомнительно, чтобы войска смогли долго сопротивляться организованному восстанию, применяющему методы правительственной армии».

Бланки составил четыре прокламации, которые предполагалось выпустить в день восстания. Одна была обращением рабочих к студентам, ввиду того, что оба этих социальных слоя были заинтересованы в победе науки над мракобесием³⁵. Вторая призывала всех парижан вновь добиться той свободы, которую завещали им их предки³⁶. Третья была обращена к солдатам и офицерам. В ней говорилось, что они являются лишь орудиями тирании, в то время как они могли бы служить всей стране, помогая народу освободиться от тех, кто его унижает³⁷. Четвертая носила характер декрета: она объявляла Бонапарта и его министров врагами страны, отстраняла от должностей высших чиновников, устанавливала наказание за любую попытку нападения на народ и обещала вознаграждение тем, кто присоединится к повстанцам³⁸.

В самом начале восстания главнокомандующий должен был назначить три комиссии: по вооружению (реквизиции и производство оружия и боеприпасов), по продовольствию и общественной безопасности³⁹.

Как только повстанцы одержат победу, управление делами в стране должно было перейти в руки революционной диктаторской власти. Директивы Бланки для этого этапа революции⁴⁰ были четкими и определенными. Написанные в 1869 и 1870 гг., когда звезда Наполеона закатывалась, они представляют собой окончательную формулировку его взглядов на осуществление перехода от общества, которое он осудил на уничтожение, к тому, которое возникнет на его месте. И здесь на его идеях сказывается влияние опыта, полученного им начиная с 30-х годов. В своих основных чертах они остались без изменений. Небольшая, избранная группа, обладающая неограниченной властью, поведет нацию к обещанной цели. Решение основного социального вопроса не определялось заранее и должно было быть найдено на практике, опытным путем. Что касается остального, то его идеи были отмечены печатью государственного ума. Поскольку процесс изменения отношений будет длительным и болезненным, Бланки предостерегал от надежд на скорое достижение результатов. Народ должен знать заранее, что ему придется вести жестокую борьбу, прежде чем он сможет пользоваться благами нового строя. Главным нововведением должно было явиться изменение направления: «Оковы пали; нация свободна; огромный горизонт открылся перед ней»⁴¹.

Он исключал возможность проведения выборов после победы, ибо помнил дорого обошедшую ошибку 1848 г. Диктатура, имеющая свой центр в Париже, издает необходимые декреты, которые сразу освободят страну от аппарата угнетения и заложат основы хорошей жизни. Комитеты будут отвечать за управление экономикой, распорядиться национализированной собственностью церкви и аристократии и создадут систему бесплатного светского образования. Революционное правительство упразд-

³⁵ BN, MSS. Blanqui, 9591², f. 154—155.

³⁶ Ibid., f. 378; 9592¹, f. 77.

³⁷ Ibid., 9592¹, f. 85—86.

³⁸ Ibid., f. 77.

³⁹ Ibid., f. 50.

⁴⁰ Их общее название: «Le communisme, avenir de la société» (A. Blanqui. Critique sociale, t. I, p. 125).

⁴¹ BN, MSS. Blanqui, 9591², f. 125 (A. Blanqui. Op. cit., t. I, p. 203).

нит постоянную армию, суд и государственный долг. В то же время оно вооружит рабочих, ликвидирует бюрократию, издаст закон о государственной службе и введет налоги на доходы и наследство. Возможно, для того чтобы не возбуждать тревоги у многочисленного класса мелких вкладчиков, ничего не было сказано о захвате Французского банка ⁴².

Бланки советовал относиться с величайшей предусмотрительностью к мелким производителям и крестьянам. Полная общественная собственность не будет устанавливаться декретом. Она должна утвердиться постепенно, демонстрируя мелкому собственнику свои преимущества. Он должен привыкнуть к ней. В особенности трудно убедить крестьянина. В течение столетий он был предан монархии и церкви, так что первоочередной задачей будет изжить его глубоко укоренившиеся предрассудки — задача более трудная, чем создание новой нации. Кроме того, он так предан своему клочку земли, что любая попытка растворить этот клочок в море других владений будет означать для него катастрофу. Слова «раздел» и «коммунизм» звучат для него как тревожный набат. Но ему придется привыкнуть к ним. Его нельзя насильно вовлекать в объединение. Только время покажет ему выгоды ассоциации и убедит его вступить в нее добровольно ⁴³.

Бланки мог бы задать себе вопросы: сколько времени будет продолжаться революционная диктатура? Должна ли она быть постоянной системой правления? Или она потеряет свой смысл существования при постепенном возникновении нового общества? Он не устанавливал никаких временных ограничений существованию диктатуры. Он был убежден в одном: коммунизм обязательно будет достигнут, и только коммунизм сохраняет личность, тогда как индивидуализм «разрушает ее» ⁴⁴. Правительство в традиционном смысле исчезнет. Конечной формой явится «отсутствие правительства», поскольку не будет причин для угнетения одного человека другим. Более того, такие конфликты, как между федерализмом и централизмом, между буржуазией и пролетариатом, отойдут в область исторического прошлого. Как только они перестанут разделять людей, исчезнут средства угнетения. Таким образом, Бланки пришел к своего рода идее отмирания государства ⁴⁵. Очевидно, он имел в виду, хотя и не сформулировал, выдвинутую Сен-Симоном цель — заменить правительство, стоящее над людьми, управлением всеми ресурсами.

1870 год стал годом испытания прочности положения Луи-Наполеона. Его престиж был подорван результатами выборов 1869 г. Оппозиция стала такой многочисленной, такой смелой, что ее нельзя было подавить, не рискуя вызвать революцию. Международные отношения также не могли служить ему утешением. Его замыслы присоединить Бельгию и Люксембург потерпели крах; его авантюра в Мексике принесла ему лишь унижение; его перехитрил Бисмарк, в ловушку которого он в конце концов и попал. Внутри страны его система личной власти лишилась всякой поддержки. Даже крестьянство, которое помогло ему захватить власть, и провинция отвергали его. В 1869 г., по крайней мере в 12 городах, были произведены многочисленные аресты по обвинению в бунте ⁴⁶. Сверх того не ослабевало, а даже усиливалось стачечное движение. Чтобы восстановить свой престиж, Луи-Наполеон приказал провести в мае 1870 г. плебисцит и одержал успех, на который не надеялся, особенно в сельских округах ⁴⁷. Но неожиданно большое число отрицательных и недействительных бюллетеней, поданных несмотря на официальное давление, значитель-

⁴² BN, MSS. Blanqui, 9590¹, f. 375—377.

⁴³ Ibid., 377—378; 9591², f. 551 (A. Blanqui. Op. cit., t. I, p. 209—211).

⁴⁴ A. Blanqui. Op. cit., t. I, p. 189.

⁴⁵ BN, MSS. Blanqui, 9581, f. 24; 9590¹, f. 106.

⁴⁶ Archives nationales, BB 1785, dossier 9735.

⁴⁷ Э. Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1956, стр. 208.

но уменьшило этот успех. Более 50 тыс. чел. голосовало против Наполеона в армии.

В январе 1870 г. общественное мнение было сильно потрясено известием о том, что принц Пьер Бонапарт убил журналиста Виктора Нуара, фельетониста из «La Marseillaise»⁴⁸, редактировавшейся Анри Рошфором. Поскольку в этой газете сотрудничали сторонники Интернационала и бланкисты, читатели склонны были рассматривать ее как орган, содействующий сближению различных групп рабочего и социалистического движения. Общественное негодование проявилось в том, что около 200 тыс. чел. вышло на улицы в день похорон. Бланкисты явились в полном составе и прошли перед своим вождем, скрывавшимся в толпе. Можно было ожидать, что он даст им сигнал идти в бой. Но правительство сосредоточило 60 тыс. солдат. В палате и в прессе наполеоновский режим был подвергнут резкой критике. Гамбетта зло высмеял его, а старик Распайль обрушил на него свой последний запас ярости и гнева. На следующий день после убийства Нуара статья Рошфора в «La Marseillaise» открывалась следующими словами: «Моей ошибкой было то, что я верил, будто представитель семейства Бонапартов может быть кем-либо иным, а не убийцей».

В течение нескольких дней после похорон волнения потрясали Париж. Арест Рошфора 7 февраля чуть не привел к началу всеобщего восстания, как ни преждевременно было бы оно. Было арестовано около 300 чел., среди них сотрудники газеты Рошфора. Волнения в Париже имели отзвук и в других городах. Существовала ли связь между этими событиями и ростом рядов бланкистов, нельзя сказать. Но это было время, когда их численность достигла наибольшей величины.

В январе 1870 г. начали забастовку рабочие заводов Крезю. Скоро было достигнуто соглашение, но оно оказалось кратковременным. В марте конфликт вспыхнул снова и продолжался в апреле. Тот факт, что Эжен Шнейдер, владелец Крезю, был председателем законодательной палаты, для многих явился подтверждением часто повторявшегося социалистами заявления о тесной связи между империей и крупным капиталом. В столкновениях с войсками забастовщики понесли большие потери. Протесты и волнения по всей Франции, финансовая помощь семьям, понесшим утраты, развитие федерации профсоюзов, созданной во Франции при помощи Интернационала,— все эти смелые действия, осуществлявшиеся с полным пренебрежением к имперским властям, крайне их нервировали. Они приостанавливали выпуск газет, привлекали редакторов к суду и сажали в тюрьму критиков. В первой половине 1870 г., в соответствии с отчетами «Gazette des Tribunaux», выросло число процессов по политическим обвинениям. Наконец, накануне франко-прусской войны был отдан приказ аресте ведущих деятелей Интернационала. 38 членов парижской секции получили различные сроки тюремного заключения. Наличие бланкистов среди обвиняемых доказывало, что различия между ними и сторонниками Интернационала уже в значительной мере исчезли. Аналогичные процессы происходили в других городах, но они были прерваны франко-прусской войной. Общим последствием их явилась дезорганизация Товарищества во Франции.

Такова была цель Луи-Наполеона. Ибо, решив начать войну, он поставил себе задачу обеспечить тыл. Официальные круги полагали, что Интернационал был чрезвычайно силен, способен низвергнуть правительство, пока они будут заняты военными кампаниями. Но власти со всеми их органами разведки явились жертвой галлюцинации. Поведение масс во время похорон Виктора Нуара должно было показать им, в чем состояла слабость революционного движения. Хотя массы были настроены до того

⁴⁸ За период с 19 декабря 1869 г. по 25 июля 1870 г. вышло 156 номеров газеты.

решительно, что готовы были ринуться в безрассудный бой, движение было расколото. Более того, сами секции Интернационала во Франции, как и в других странах, были недостаточно сплочены. Но как бы то ни было, империя, считая, что ей грозит опасность, продолжала наносить удары этой организации. Нет сомнения, что главным мотивом развязывания войны против Пруссии было желание императора восстановить свой престиж. Но все же боязнь быть побежденным силами рабочего класса и социализма также явилась немаловажным фактором.

Таким образом, можно увидеть некоторую взаимосвязь между началом военных действий между Францией и Пруссией и массовыми арестами деятелей Интернационала. Судебный приговор был вынесен 8 июля 1870 г. Одиннадцать дней спустя Франция официально объявила войну Пруссии. Следует также упомянуть, что осуждение членов парижской федерации и одновременное запрещение намеченного конгресса профсоюзов вызвали признательность французских промышленников⁴⁹.

Бланки, укрывшийся во время арестов в Брюсселе, по просьбе своей организации вернулся в Париж 10 августа. Военные катастрофы настолько возбудили гнев народа, что войска должны были охранять законодательный корпус. Возникла ситуация, которая в глазах бланкистов делала восстание своевременным. Двое из наиболее авторитетных руководителей бланкистов, Эмиль Эд и Эрнест Грамше, высказывались за немедленные действия. Но Бланки не разделял их оптимизма. Его главные возражения сводились к тому, что война истощила партию, что возникли новые обстоятельства, которые делают восстание несвоевременным⁵⁰. Но при голосовании он потерпел поражение. Это произошло 13 августа. На следующий день он приказал напасть на Лавиллетскую казарму.

14 августа 1870 г., как и 12 мая 1839 г., было воскресенье. Это был солнечный и теплый день. Народ отдыхал на улице, тогда как богатые парижане и высшие чиновники разъехались из столицы, поскольку следующий день был праздником успенья. Объект нападения находился в рабочем районе, где, по расчетам бланкистов, их предприятие могло получить дополнительную поддержку. Подробности этого выступления гораздо менее интересны, чем подробности выступления 12 мая 1839 г., и мы не будем заниматься ими здесь. Только сравнительно небольшая группа инсургентов напала на казарму. Результаты были плачевны. Весь план, который зависел, во-первых, от захвата оружия и, во-вторых, от овладения стратегическими пунктами до наступления на центр города, потерпел неудачу. Народ остался холоден к призывам: «К оружию!» и «Да здравствует республика!». Повстанцам пришлось рассеяться, спрятав оружие. Двое из них, Франсуа-Дезире Эд и Габриэль-Мари Бридо, были арестованы, отданы под суд и приговорены к смерти⁵¹. Но просьбы о помиловании со стороны влиятельных лиц привели к смягчению приговора.

14 августа 1870 г. явился преждевременным 4 сентября. Неизбежный крах несвоевременного выступления только подтвердил безрассудство бланкистской тактики. История учит лучше, чем теория. Одно дело отдать распоряжение нелегальной группе о внезапном нападении на цитадель власти; и совсем другое дело, когда имеешь на своей стороне необходимые условия для победы. Их явно не было в 1870 г., так же как и в 1839 г. Их целью было создать по приказу. К чести Бланки, он оба раза высказывался против выступления, поскольку он со своим политическим чутьем понимал его несвоевременность. Но тот факт, что нетерпение горячих голов одерживало верх над его более здравыми суждениями, сам по себе являет-

⁴⁹ Archives nationales, F¹cIII, 9, Seine-Inférieure, отчет т 2 июля 1870 г.

⁵⁰ «La patrie en danger», 16, 17 septembre 1870. См. также: Wladimir Martel. Mes entretiens avec Granger lieutenant de Blanqui. Paris, 1939, p. 51.

⁵¹ О процессе см.: «Gazette des tribunaux», 21—30 août, 1 septembre 1870.

ся осуждением его стратегии. Хотя он рассчитывал на революционный порыв народа, но так и не сумел ликвидировать разрыв между народом и своей организацией. Он пренебрег основным правилом, которое Эжен Варлен постиг благодаря своим связям с рабочим классом, а именно, что «прежде чем обратиться к народу с призывом к восстанию, надо пощупать у него пульс, чтобы узнать, есть ли у него жар»⁵².

Революция 1848 г. во Франции в восп. участников и современников

Воззвание *Л.-О.Бланки* о красном знамени

и опровержение против обвинения Ташеро

http://vive-liberta.narod.ru/doc/1848_l-menard-1.pdf

Л.-О.Бланки. Инструкция к вооруженному восстанию

Публикация С.Красного

http://vive-liberta.narod.ru/doc/blanqui_instruction.pdf

В.Кунина. История письма Огюста Бланки Карлу Марксу

от 22 января 1862 года

http://vive-liberta.narod.ru/journal/blanqui_marx-1_fe-83.pdf

И.Бах. Маркс и Бланки в 1869 году

http://vive-liberta.narod.ru/journal/blanqui_marx-2_fe-83.pdf

М.Домманже. Бланки

http://narod.ru/disk/9664864000/blanqui_dommang.pdf.html

Р.Фармонов. Л.-О.Бланки в годы Второй республики

http://vive-liberta.narod.ru/journal/blanqui_fe-83.pdf

Б.Шахматов. Л.-О.Бланки и революционная Россия

(отзывы, влияния, связи)

http://vive-liberta.narod.ru/journal/blancqui_fe-81

В.Бонч-Бруевич. Вечный узник. Жизнь и деятельность Бланки

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p66419947.htm> или

http://narod.ru/disk/7461622000/Bonch-Bruevich__Vechnyj_uznik.djvu.html

ВСЕ МАТЕРИАЛЫ о БЛАНКИ

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#blanqui>

---

⁵² Цит. по кн.: Э. А. Желубовская. Указ. соч., стр. 286—287.